

Разговор о качестве литературных текстов невозможен без разговора об укреплении института редактуры этих текстов. А в нашем случае нынешнего состояния российского литературного постсоветского периода впору говорить не об укреплении, а о реанимации института редактуры. В условиях отсутствия единого информационного литпространства, фактически поделенного на региональные литературные «лоскуты», конечно, говорить придётся именно о состоянии и статусе редактора и редактуры применительно к каждому конкретному региону. Но, быть может, такой разговор в формате «сверки часов» имеет и свои преимущества. Сегодня практически в каждом регионе институт редактуры начинает прорастать, образно говоря, от корней, поскольку от прежней советской «кроны» мало что осталось. Это, конечно, не есть хорошо. Но если взглянуть на ситуацию по принципу стакана, который всё-таки не наполовину пуст, а наполовину полон, разговор может получиться многовекторным, ибо опыт каждого региона по-своему уникален и учиться при желании можно и нужно взаимно. Я благодарна всем тем писателям и редакторам (а в подавляющем большинстве они пребывают именно в двух ипостасях — и как писатели, и как редакторы), что согласились принять участие в этом круглом столе, чтобы поделиться своим опытом, как позитивным, так и печальным, чтобы озвучить актуальные в формате вопросы.

Диана КАН

Николай АЛЕШКОВ, поэт, член Союза писателей СССР, СРП, лауреат всероссийских премий, главный редактор журнала «Аргамак-Татарстан»:

— Разговор о редактуре назрел и даже перезрел. И хотя графомания на меня как поэта действует хуже зубной боли, мне как редактору от неё зачастую никуда не деться, т.к. поток материалов в журнал велик. Порой очень трудно оставаться вежливым, общаясь с графоманами. Мой казанский друг Разиль Валеев недавно рассказал случай. Пришёл у нему как-то один такой «гений» — из умеющих глаза в глаза заискивать, а за глаза — клеветать и строчить жалобы по инстанциям. Пришёл и чуть ли не

со слезой, этак по-свойски говорит: «Дорогой, я ведь к тебе по большой нужде...» Мой друг среагировал молниеносно. Взял пропитателя за руку и отвёл его... в туалет. Но если шутки в сторону, то главная беда в том, что профессиональные понятия о редакции и корректуре на всём постсоветском пространстве практически сведены на нет. Издательское дело из государственного превратилось в частное. А частник экономит именно на редакторской работе! Отсюда — безграмотные книги и дурновкусие. Отсюда — перекосяк от художественных ценностей к тому, что ниже пояса и склонно к «такой твоей матери»... Выход мне представляется только один. Необходимо вернуть к жизни государственные (бюджетные) издательства, которые могли бы отвечать за то, что мы называем литературой. А частники пусть продолжают думать о прибыли, до литературы им, за редчайшим исключением, нет никакого дела. Быть может, при достойной конкуренции и они вынуждены будут задуматься о качестве текста? Кто знает... Беда ещё и в том, что наши власти говорят одно, думают другое, а делают третье. Мне, например, надоели телемонологи из самых высокопоставленных уст о патриотизме. Я им не верю, потому что современная художественная литература, продолжающая вопреки обстоятельствам традиции русской (шире — отечественной) классики, — увы! — в загоне. У нас на виду и на слуху вечно проигрывающие миллиардеры-футболисты, а не нищенствующие поэты, творящие литературу, даже будучи самыми социально незащищёнными гражданами страны. И это очевидно как дважды два!

Евгений СЕМИЧЕВ, поэт, секретарь Союза писателей России:

— Коль уж речь зашла о социальной незащищённости профессии писателя, то, перед тем как сказать «слово о редакции», озвучу цитату из недавнего выступления китайского писателя господина Вана: «Мы — счастливые писатели. О нас хорошо заботится государство. Члены ассоциации китайских литераторов делятся на три разряда. Писатели первого, самого высшего разряда, имеющие несколько книг и всекитайскую популярность, получают ежемесячно зарплату профессора университета (это примерно 8–9 тысяч юаней, или 80–90 тыс. российских рублей. — Прим. Д. К.). Писатели второго разряда, имеющие популярность в провинциях, ежемесячно получают зарплату доцента (6–7 тыс. юаней. — Прим. Д. К.). И писатели третьего разряда, начинающие

молодые авторы, — зарплату преподавателя вуза (5 тыс. юаней, в переводе на реалии современной России — примерно 50 тыс. рублей. — *Прим. Д. К.*). Кроме того, помогают правительства провинций. Это квартиры, машины и т. д. Помогают и администрации городов. Это дачи, творческие командировки. Мы живём творчеством, не думая о куске хлеба. Мы действительно счастливые писатели Китая». Цитата закончена. Мне могут возразить, мол, это Китай — великая империя и огромная страна. Но вот если взять маленькую Финляндию, то мы увидим, что даже имеющему единственную изданную книгу писателю государство пожизненно выплачивает стипендию. Понятно, конечно, что книга должна быть книгой не только в полиграфическом, но и в художественном литературном отношении. Ну а теперь от счастливых своих и социально защищённых государством китайских и финских коллег вернусь к российским книгоиздательским и редакторским (а они в идеале должны быть неразделимы) реалиям.

Редакторская система в советское время была фактически глубоко эшелонированной обороной против графомании в издательском деле. Автор со своей книгой вовсе не оставался один на один с редактором, чтобы, видимо, исключить творческий произвол со стороны последнего. До момента выхода в свет каждая книга проходила многоступенчатую редактуру — существовала редактура литературная, был редактор художественный, редактор технический... Если главный редактор государственного издательства был поэт по жанровой принадлежности, то замом обычно назначался прозаик, то есть существовал чёткий жанровый баланс в руководстве издательством. Хотя все мои книги вышли уже после развала советского книгоиздательства, я как автор в Самаре ещё немного застал советскую издательскую систему, в лихие девяностые работающую на мощной силе советской инерции. Ну а потом в Самаре благополучно почило в бозе Куйбышевское книжное издательство, и ныне авторы отданы на откуп издателям-частникам. То есть, чтобы издать книгу, ты должен найти спонсора. Про авторский гонорар даже речи не идёт. Советская система книгоиздания, и в частности институт редакторства, не были каким-то ноу-хау, а лишь позитивным опытом монархической России в этом плане. И я думаю, что это наиболее оптимальная система, когда издательства служили фильтрами литературных текстов. И оптимальнее всего возрождать именно такую систему. Сейчас, когда главным «редактором» стали деньги, естественно, катастрофически упал и уровень издаваемой

литературы — и не только в профессиональном смысле, но и в интеллектуальном, художественном, не говоря уж про нравственность. Издаваемость автора зависит от его кошелька, так не должно быть. Раньше, прежде чем быть изданной и стать книгой, рукопись проходила множество фильтров: обсуждение на литературных секциях и семинарах, работа автора непосредственно с литературным редактором, а сейчас большинство книг — скороспелки. Вспоминается анекдот. Два писателя встретились, интересуются друг у друга, как дела. Один говорит: «Да вот, роман написал за три месяца, уже три года не могу пристроить в издательство». Второй отвечает: «А я писал роман три года, через три месяца у меня книга выходит». Но этот анекдот, который, конечно, говорит об ответственности авторской творческой работы, был актуален во времена государственного книгоиздания. А сейчас, если автор имеет деньги на издание книги, она будет издана, даже если уровень её ниже низкого, и не за три месяца, а буквально за три недели.

Анатолий АВРУТИН, поэт, главный редактор журнала «Новая Немига литературная», лауреат международных литературных премий (Минск, Беларусь):

— Несмотря на все добрососедство, сегодня Беларусь и Россия — разные государства. И очень многие социально-общественные процессы, при их несомненном сходстве, все же развиваются по-разному. В Беларуси нет олигархов, в частной собственности которых оказались бы практически все богатства страны. У нас социально ориентированное государство, где, несмотря на все трудности, не стали отмахиваться от многих достижений советской поры. Скажем, представители белорусского книгоиздания традиционно занимали и продолжают до сих пор занимать самые престижные места на международных книжных выставках-ярмарках. Понимаю — моментально найдутся скептики, которые начнут говорить, что представленные на выставках роскошные фолианты выпущены за счет государства, а точнее — налогоплательщика и сам факт их выхода в свет порой имеет некоторый показушный оттенок... А вот, мол, рядовому писателю издаться в государственном издательстве почти невозможно...

Но давайте разберемся... Действительно, в советские времена только одно минское издательство «Мастацкая літаратура» («Художественная литература») выпускало добрых две с половиной сотни оригинальных книг в год, выплачивая при этом автору

такой гонорар, что он достаточно безбедно мог на него кормить семью не меньше года... Сегодня ситуация, разумеется, иная. Но в отличие от России ни одно из крупнейших госиздательств в Беларуси приватизировано не было и уровнем выпускаемой продукции продолжает демонстрировать частнику, какой должна быть настоящая книга. Чтобы не быть голословным, сошлюсь на весьма свежий собственный пример. Незадолго до Нового года мне сообщили, что рукопись моей книги избранного утверждена Министерством информации для выпуска в 2016 году в серии книг, издающихся для библиотек страны. Это означает, что все расходы по выпуску сборника берет на себя государство, а тираж будет достаточно массовым. В моем случае — 2100 экземпляров. Издавать «Просветление» — именно так я решил назвать книгу — было поручено издательству «Народная асвета» («Народное просвещение»), одному из старейших издательств страны. Не буду скрывать — получил истинное наслаждение от встреч и общения и с директором издательства В. В. Калистратовой, и с главным редактором Е. В. Литвинович, и в особенности с редактором книги Е. М. Парахневич, которая сама оказалась дочерью известного белорусского писателя Михася Парахневича, с которым мне некогда доводилось встречаться... Имел возможность наблюдать, как вдумчиво вчитывалась Елена Михайловна в каждое стихотворение, какие чувства испытывала сама. Даже не пыталась что-то снимать или править. Зато отыскала несколько стихотворений, которые по авторскому недосмотру оказались в рукописи дважды... А с какой любовью и тщательностью отнеслись к своему делу представители других редакций! Прекрасно сработали и корректоры, и оформители! Всего за неполных два месяца изрядный том, в котором почти пятьсот страниц, вышел в свет... Когда я отослал экземпляр книги в Воронеж известному критику Вячеславу Лютому, с чьим предисловием вышло «Просветление», он написал, что о таком издании можно мечтать любому русскому поэту... Разумеется, в такую серию может попасть далеко не каждый обладатель членского билета Союза писателей Беларуси. Но ведь, положа руку на сердце, не каждый и заслуживает того, чтобы именно его произведения широко пропагандировались...

Диана КАН, поэтесса:

— Исходя из своего опыта работы с авторами и их текстами самого разного уровня, я вывела для себя правило говорить с каждым на ему понятном языке. Ибо то, что поймёт с полуслова-полу-

взгляда опытный автор, автору начинающему надо порой объяснять почти на пальцах. То есть высказывание Зинаиды Гиппиус: «Если надо объяснять, то — не надо объяснять» — надо применять к авторам дифференцированно. Помнится, пришлось мне редактировать рукопись поэтессы, которую я бы назвала «идеальной дачницей». Она писала стихи всю жизнь в стол, и вот как-то, видимо, созрела до мысли, что без творческого общения далее ей нельзя. Я долго не могла отучить эту поэтессу (весьма, кстати, лирическую) от столь частого у авторов многословия, когда автор хочет сразу весь свой «талант» и весь свой «ум» вложить в одно стихотворение, словно оно не только первое, но и последнее в его жизни. И так и сяк билась с ней, она, надо отдать ей должное, была очень благодарна и не преклословила, понимая, видимо, сколь ей повезло, что я согласилась с ней поработать. Стихи прямо на глазах становились лучше настолько, что это было очевидно без слов. Но! Поэтесса приносила следующие новые стихи, а они так же были многословны. Это меня удручало. И мы опять мы начинали биться, чтобы текст приобрел необходимую стихам прозрачность. Пока наконец меня не осенило. Говорю ей: «Вот вы — дачница. Что вы делаете с теми растениями, которые не по формату обжились на грядке и мешают тем растениям, которые вы намерены вырастить?» Она пристально посмотрела на меня: «Выкорчёвываю и выпалываю, а как же?» Я говорю: «Вот и с лишними словами надо аналогично поступать, чтобы они не мешали в данном конкретном стихотворном тексте произрастать нужным словам. Важно, конечно, отличать полезные слова-растения от сорняков. И ещё надо понимать, что порой то, что автор принимает за сорняк, на самом деле Божий подарок, просто он неуместен на этой конкретной “грядке”, в рамках этого конкретного произведения. Будучи пересажен на отдельную грядку, он может стать шедевром». Конечно же, «воспитывая» тексты, мы в идеале должны через них, посредством стихотворного практикума, воспитывать и автора, чтобы следующие его тексты уже не страдали прежними огрехами. Вот так, порой забавно, через дачные ассоциации, близкие автору, можно враз объяснить, что к чему. Я ещё, помнится, подумала тогда, что если мне вдруг придётся как редактору работать с автором, скажем так, главой государства, то ему в такой ситуации я бы провела иную параллель. Лишние слова — это «пятая колонна», не позволяющая качественно обустроить социум в деле позитивного государственного строительства. Хотя и тут бы, конечно, я обратила внимание автора, что подчас

то, что он может принять за «пятую колонну», на деле является гласом истины, просто желательно его использовать во благо... А вообще, если не вдаваться в литературную терминологию, потому что вряд ли автору надо знать, чем амфибрахий отличен от анапеста (это дело критиков), то все авторы делятся на тех, кто хочет воспитывать свои детища-стихи, и тех, кто считает свои «детища» идеальными. По принципу: хоть плохенький, да свой! А будучи воспитанным для выведения его в свет (для публикации), такой «ребёнок» словно чужой. С такими авторами лучше не терять время — как говорится, нельзя облагодетельствовать того, кто не хочет и не готов. Неслучайно дворяне отдавали своих детей в воспитание профессиональным гувернёрам, хотя могли бы воспитывать их сами, благо не ходили на службу. Но нечасто мы воспитываем своих детей хорошо, куда как лучше мы воспитываем чужих детей, ибо своих склонны жалеть. А как говорят англичане: «Пожалеть розгу — испортить ребёнка». Ну, насчёт розог я, конечно, хватила, но надо понимать, что постижение любого профмастерства — дело непростое для того, кто хочет постичь его. Если хочешь танцевать настоящий балет, а не пробавляться дешёвым стриптизом, надо быть готовым к кровавым мозолям, растянутым лодыжкам, неизбежным падениям, иного пути нет. Профессионализм редактора — сминимизировать все эти «издержки» для автора, но тем не менее побудить его постичь тайны мастерства, просто сделать этой меньшей, как говорится, кровью.

Елизавета МАРТЫНОВА (Данилова), главный редактор журнала «Волга — XXI век»:

— Редактировать тексты я начала очень давно, сразу после окончания университета, не по работе (я тогда преподавала русский язык в вузе), а, что называется, по призванию. Писатели наши саратовские, руководители литературных студий и их участники, быстро сообразили, что могут рассчитывать на устный отклик или письменную рецензию, на мои правки и подсказки — и стали мне приносить свои рукописи. А я всё удивлялась: а почему в издательстве-то книгу не могут отредактировать как следует? Потом узнала, что издательства у нас, в Саратове, все частные (плати деньги — и будет тебе книга «по средствам», в авторской редакции, со всеми недоработками), что если где-то ещё и остались штатные корректоры, то редакторы все, как правило, берутся «со стороны», и то, если писатель считает, что редактора

ему нужна. Большинство же пишущих и издающих книги даже и не подозревает, как важны взгляд со стороны и литературное редактирование.

Меня всегда возмущало, что основную массу «хорошо изданных» (в смысле оформления) в этих самых частных издательствах книг невозможно читать. В этом потоке отыскать действительно художественную книгу просто нереально. А ведь лучшие, действительно талантливые писатели Саратова тоже вынуждены издавать свои произведения за свой счёт, хорошо, если спонсора найдут (кстати, спонсорам тоже всё равно, кому выделять или, чаще, не выделять средства для издания книг). Никто им, писателям, не помогает. Вот их стихи, проза, публицистика тоже пропадают в безликом потоке. Это ещё хуже, чем издание 99% графоманских томов.

В общем-то, именно неприятие этой ситуации и подтолкнуло меня к тому, чтобы стать редактором журнала. «Под одной крышей» можно было собрать талантливых писателей Саратова и других городов, дать им возможность публиковаться в государственном издании, которое финансируется из бюджета — и возможность гарантированно найти своего читателя.

Конечно, журнал не заменяет авторскую книгу, но всё же...

Но сразу же — с 2008 года — я столкнулась с рядом проблем.

1. Союзу писателей (местному его отделению) требовалась только публикация всех его членов, независимо от художественного уровня написанного — и независимо от того, печаталось или нет то, что они предлагали в журнал уже много-много лет назад. Соответственно каждую публикацию любого иногороднего автора встречали в штыки и писали «об этом безобразии» отрицательные рецензии на журнал в местные газеты. У меня уже целый архив есть — и этих самых рецензий, и моих ответов на них.

2. Учредителям тоже требовалось исключительно «саратовское», потому что, мол, журнал издаётся на средства саратовских налогоплательщиков. Ну и конечно, сплошной «позитив», никакой политики, никакой публицистики, только «любовь и природа» (цитирую одну из рекомендаций).

3. В случае отказа в публикации некоторые авторы шли жаловаться вышестоящему начальству (куда повыше) и требовать, чтобы их напечатали в приказном порядке.

Мне же хотелось делать хороший журнал. Российского уровня. Не ограниченный доморощенной цензурой. Без оглядки «как бы чего не вышло». Очень много усилий пришлось приложить, что-

бы три основные проблемы, о которых я только что написала, не стояли так остро.

Вначале действительно было трудно. Особенно удручал поток графомании, идущий отовсюду: и из Союза писателей, и самотёком по электронной почте, и просто люди с улицы приходили. То есть был настрой такой: опубликоваться любым способом, а редактор — он так, «сбоку припёка», одно беспокойство от него.

Один товарищ всеми путями добивался публикации сразу сотни (!) своих стихотворений одновременно, причём все стихи свои посвящал «по нисходящей» президенту, министру, нашему губернатору и полчаса на повышенных тонах объяснял, почему я должна это сделать. Сказала, что буду согласовывать с адресатами. Вспомнила про него, потому что это был, к сожалению, типичный случай. Всё это было бы смешно, когда бы не было так грустно.

Вообще, конечно, задача редактора — находить такие стихи и такую прозу, которую надо править «по минимуму». К моменту назначения меня редактором я уже несколько лет редактировала книги саратовских авторов и преподавала русский язык в вузе. И тот и другой опыт очень помог, так же, как и поездки на Форум молодых писателей России — узнавала новые имена, стала разбираться в специфике журналов.

Всегда радуюсь, когда нахожу талантливую автора. Сразу погружаюсь в его мир, просто как читатель, и только немного позже начинаю смотреть критически.

Если произведение отобрано, подходит по формату и тональности и в номер вписывается... Начинается работа с автором. Правки надо согласовывать, обговаривать предварительно. Публикация в журнале — это результат общей работы. Редактор видит со стороны то, что не видит автор, он вживается в этот текст (прозу, стихи, статью) и делает его читабельным, ясным, выстроенным, лишённым грамматических, стилистических, композиционных и прочих ошибок, и конечно, отбирает то, что соответствует направлению журнала.

Постепенно научилась отказывать. Это тяжело. Как будто приговор какой-то выносишь. Но юмор помогает...

«Вы не берёте? Выбросьте тогда в мусор». — «С удовольствием».

«Вот Вы меня не печатаете... А вот со статьёй, опубликованной в прошлом номере у Вас, я категорически не согласна». — «Так её специально и печатали, для того чтобы Вы с ней не соглашались».

«Вы выбрали у меня для публикации мои самые плохие стихотворения...» — «Старалась».

Разумеется, диалог с писателем нужно строить так, чтобы никого не обидеть. Ни в случае отказа, ни в случае публикации и работы с автором.

Совсем по-другому стала относиться к собственным публикациям в других журналах. С пониманием того, как трудно редактору. И того, что если он выбрал тебя, то ты, безусловно, нашёл нового читателя. А ведь это самое главное.

И ещё. О читателях. Недавно (26 августа) была передача по саратовскому радио о журнале, прямой эфир, и я порадовалась, сколько было звонков — и от писателей, и от читателей, и сколько откликов потом. Ну, думаю, значит, не пропадет мой нескорбный труд... Уже хорошо.

Наталья КОЖЕВНИКОВА, член Союза писателей России, председатель Оренбургской региональной организации Союза писателей России, главный редактор журнала «Гостинный Двор» (Оренбург):

«Нужно больше хорошей литературы...»

— Вынося слова Владимира Путина в заголовок статьи, хотелось бы от себя продолжить: «...а не членов писательских союзов...» Президент прав — хорошей литературы становится мало, а вот число «очлененных» пишущих — всё больше и больше. Издательский беспредел, коммерциализация литературы, восхваляющие, хорошо проплаченные рецензии позволили тем, кого прежде приняли бы только в районное литобъединение, гордо именовать себя причисленным к большой литературе. По своему опыту скажу: большинство из них, издав первую книжку стихов или прозы, место которой только на книжной полке автора, больше ничего не напишут. Не о чем. У них нет литературной естественности, одни потуги привлечь внимание к своим зачастую «актуально-эпатажным» и попутно раскритиковать реалистические традиции русской литературы. Считаю, что это бесперспективный путь.

«Обществу нужны книги, формирующие представление о добре и зле, — сказал недавно Патриарх Московский и Всея Руси Кирилл, — помогающие увидеть красоту Божьего мира, заставляющие искать ответы на вечные вопросы, призывающие думать,

размышлять, а не просто развлекаться». Можно только приветствовать, что Патриарх возглавил Общество русской словесности, а новый министр образования страны Ольга Юрьевна Васильева, выступая на одном из форумов, напомнила собравшимся, что именно «русская литература прививает людям нравственные качества, а в произведениях ещё древнерусской литературы, таких как «Повесть временных лет», «Слово о полку Игореве», много раз встречается формулировка «За Русскую землю!» — это и есть наша идея патриотизма».

Быть писателем — это не только иметь Богом данный талант, но и постоянное самоусовершенствование. Опять из своего редакторского опыта. Примерно треть материалов, поступающих в редакцию альманаха «Гостиный Двор», не требует литературной правки. Это, как правило, произведения писателей и поэтов, уже сложившихся, серьёзно относящихся к своим произведениям, посылаемым для публикации. Владимир Костров, Владимир Крупин, Пётр Краснов, Анатолий Аврутин, Сергей Куняев, Диана Кан, Нина Ягодинцева, Светлана Сырнева, Вячеслав Лютый, Валерий Михайлов, Николай Алешков, Виталий Молчанов, Валерий Кузнецов и многие другие — этими именами альманах гордится.

Вторая категория авторов альманаха — это в основном историки, архивисты, краеведы, литературо- и искусствоведы, журналисты (вокруг альманаха в течение двадцати с лишним лет уже сложился определённый коллектив единомышленников, людей творческих, ищущих непознанное в истории, литературе, искусстве, науке, горячо любящих своё Отечество). Это люди опытные, редактура если и нужна для их материалов, то минимальная. Назову нескольких из них, кому искренне благодарна за сотрудничество с альманахом: Татьяна Судоргина, Галина Матвиевская, Алла Прокофьева, Алла Фёдорова, Владимир Семёнов.

Третья категория — мемуаристы, для которых в альманахе придуманы специальные рубрики «Народная проза» и «Народные мемуары». Здесь рука редактора должна быть достаточно твёрдой, отсекая всё лишнее, мешающее порой «реке времён» литься свободно. Кроме того, эти тексты часто требуют уточнений в деталях, датах, именах. Авторы мемуаров почти всегда люди довольно пожилого возраста, но, к счастью, обладают хорошей памятью и недюжинными литературными способностями. У них высокая миссия — быть летописцами, смотреть в прошлое из настоящей жизни, не озлобившись ни умом, ни сердцем от ис-

пытаний, выпавших на их долю. Если посмотреть на сайте альманаха посещаемость, именно их, мемуаристов, читают больше всех! Александр Семёнов, Григорий Шварц, Семён Кашинцев, Александр Папыкин, Василий Зенов, Михаил Пащенко — спасибо им, оставившим нам бесценные крупницы истории...

И наконец, последняя категория авторов, самая, я бы сказала, «разбитная» — молодая поросль литобъединений или авторы, попадающие в альманах «самотёком». Кто-то из них давно и прочно «сидит» в «Стихах.Ру» и «Прозе.Ру», кое-кто успел напечататься в различных СМИ и даже издать собственную книжечку. Правда, горячее одобрение своих произведений они получают в основном от родственников, сослуживцев и соседей по подъезду. Некоторым авторам этого достаточно, к всеобщей славе они не стремятся, но многие, ссылаясь на это одобрение, требуют немедленной публикации в альманахе и обижаются или даже негодуют после отказа. Бывает и так: вышел человек на пенсию — заняться нечем. И берётся писать, ладно ещё мемуары, нет, пытается писать стихи и прозу, даже приблизительно не зная, как это делается. Не берут в альманах — находят деньги на книгу. Вот и издаются тонны графоманской литературы, оседающей мёртвым грузом в библиотеках...

Зато я бываю просто счастлива, когда среди молодых авторов, несмело переступивших порог нашего литобъединения имени С. Т. Аксакова (им, кстати, руководит известная поэтесса Диана Кан), вдруг находится 2–3 человека несомненно талантливых. Первая подборка стихов, первая публикация в альманахе — для них нечто радостное и тревожное одновременно. А как встретят их читатели? Смотрю на них с надеждой и некоторым опасением — будут ли они прислушиваться к советам наставников? Некоторые сразу заявляют: в стихах или прозе менять ничего не буду, моим слушателям и так нравится. Имеют право. Только толку от таких «писателей», как правило, не бывает. Неумение строить образ в стихотворении и неимение лексической свободы, захватывающих неизбитых метафор приводит к тому, что такие произведения отклоняются как в солидных литературных журналах, так и на жюри различных конкурсов.

Те, кто работает над своими опусами, «черновики которых черны», со временем могут стать хорошими поэтами, прозаиками, обладателями престижных литературных премий. Благо, они есть и у самого альманаха «Гостиный Двор». Это прежде всего премия в память погибшего в годы репрессий оренбургского

писателя Валериана Правдухина, премия для молодых поэтов «Чаша бытия» (Лермонтовская). В Оренбурге славится своей всероссийской известностью Пушкинская литературная премия «Капитанская дочка», а ещё есть губернаторская «Оренбургская лира», региональная премия имени П.И. Рычкова, городская детская премия «Волшебное перо»...

И ещё. Когда в редакцию приходит начинающий автор, я первым делом спрашиваю, а вы читаете наш альманах? И порой слышу удручающий ответ: нет, не удосужился. Вот напечатаете, тогда и читаю... Обидно. Человек даже не понимает, что это не просто элементарное неуважение к изданию и людям, там работающим, но и безразличие вообще к литературе.

К счастью, читателей у альманаха много. Читают его и на сайте, в библиотеках, в школах, заказывают библиотеки Принстонского, Индианского, Питсбургского университетов (США), Британская национальная библиотека, Мюнхенская и др.

Иногда начинающие авторы спрашивают, о чём надо писать, чтобы попасть на страницы альманаха «Гостиный Двор»? Заметьте — не как, а о чём. Отвечаю: степень талантливости не определяется выбором темы. А вот с героем своего произведения автор определиться должен. Сегодня «герой нашего времени», по словам известного литературного критика из Воронежа Вячеслава Лютого, ведущего в альманахе рубрику «Литературная критика», — это «человек, сопротивляющийся среде, в которой ему доводится существовать, не ломающий собственных принципов (если они у него есть), но ради них вступающий в схватку с велениями гниющей эпохи. И это будет правильным в проекции на будущие русские десятилетия».

Ведь сегодня постмодернистская литература, СМИ известных сил стараются дегероизировать нашу жизнь, унижить подвиг и поклониться предательству и равнодушию. Первенство в премиях, презентациях отдаётся вещам ничтожным, а бездарный автор порой объявляется гением. На региональном уровне это зачастую происходит по принципу «местного интереса»: пусть неважнецкая книга, но зато автор свой, давайте им гордиться... Увы... Гордиться начинает автор этой книги, требует сразу же принять в Союз писателей, выдать удостоверение, выделить деньги на новую книгу... Листаю книги лауреатов премии «Капитанская дочка» во второй номинации (кстати, позже они «забывают» эту номинацию указывать в своих биографических врезках и, таким образом, встают на одну доску с лауреатами-профессионалами

этой премии) и удивляюсь. О чём они пишут? Рифмы, размеры, формы оставим пока в стороне.

*Это я — то небо, в которое ты плюёшь,
Это я возвращаю на землю твои плевки...*

(Стихотворение «Шива»)

*Как упал ты с неба, Денница, сын Зари,
разбился о землю, попиравший народы...
Подержи меня за руку, поговори
со мною, как мало мне кислорода...*

(Стихотворение «Скорбь Сатаны»)

Примечание: здесь и далее автор оставил за собой право на собственную пунктуацию.

*Воздух в комнате истощён,
Израсходован. Задохнуться
Не страшимся... Ещё, ещё!
Эта новая ночь беспутства.*

*Всё, чему научила спесь —
Время даром терять не нужно.
Есть ладони и губы есть,
Нет желания быть замужней...*

А вот другой автор:

*Сукой буду, не забуду
Этот запах кислых щей.
Здесь не слыхивали сроду
Про лосьоны от прыщей.*

Ещё примеры:

*Не стучись ко мне голубицею —
Жизнь моя тобой предугадана:
Не был вором я и убийцею,
Но сошёл с ума — так и надо мне...*

Далее:

*Я слушаю чиновника
И могу попасть
В резерв
Управленческих кадров.
Он говорит —
Федеральный бюджет,
А я хочу,
Чтобы мне
Осталось от него
Хоть что-то,
Чтобы мы могли
Зайти вечером
В «Магнит»
И купить
Пачку мармелада...*

И еще:

*Вновь сижу за своим столом
И четыре стены я вижу,
Мысли, в общем-то, ни о чём,
Я как будто на всех обижен...*

К сожалению, таких обиженных у нас всё больше и больше, они уже учат других писать, и это становится не забавно, а страшно. Как видите, поэзия наших молодых авторов полна чувственных признаний без оглядки на реальный мир, женскую стыдливость, всякую литературную взыскательность. Они не испытывают творческой неловкости от узости своих взглядов, бессюжетности, отсутствия ярких метафор. Скорей бы сказать всё «в лоб»... Аффектированная речь, избыток восклицательных знаков или отсутствие пунктуации, размера и рифмы приводят к тому, что стихи теряют смысловые связи и просятся пародисту на перо...

Вот и получается, по выражению Вячеслава Лютого, что «такие авторы загнали себя в житейский и интеллектуальный тупик. А это ещё один шаг к уничтожению искусства и литературы, которые не зря считаются духовным изображением человека. Но всё чаще сегодня читатель тянется к теплоте, к конкретному герою, к узнаваемой ситуации. И есть, к счастью, поэзия русского

мифа и жажды сопротивления злу (Владимир Скиф, Анатолий Аврутин, Диана Кан, Геннадий Ёмкин, Светлана Сырнева, Евгений Семичев, Владимир Шемшученко), герои которых «перекликаются» с романом поражения Петра Краснова «Заполье» по своему драматизму».

Вспоминаю, как однажды на литобъединении в Доме литераторов одна уже не совсем молодая поэтесса разочарованно воскликнула: «Ой, я знаю теперь, кто вы! Вы — почвенники!» Было понятно, что её определение сродни чему-то совсем не вписывающемуся в современную литературную жизнь. Можно, конечно, улыбнуться, а можно (и нужно) напомнить, что почвенниками считаются и Валентин Распутин, и Василий Белов, и Василий Шукшин, не говоря уже о Нобелевском лауреате Михаиле Шолохове, которыми гордится русская литература с её жаждой родовой традиции и чувством православного устройства души.

Среди молодых авторов альманаха «Гостинный Двор» есть несколько человек, за творчеством которых я наблюдаю особенно пристально.

*Но как звёзды, сверкнули слёзы на образах,
И запел рассвет над чёрной речной водой.
Вся Россия вдруг утонула в твоих глазах,
И не надо стало судьбы и страны другой...*

Наталья Борисова

*Это всё о тебе, о твоей улыбке.
О глубокой тоске, где и счастье зыбко,
Это всё о дожде, об осенних красках,
О тебе и дожде в этих светлых сказках.
Это всё о тебе, и теперь, как прежде,
Только счастье судьбе, только свет надежде...*

Полина Пароль

*Всё глядеть на Божий мир,
Чей-то взгляд унося с собой.
Целый век или только миг —
Быть как облако и любовь...*

Ольга Смирнова

*Классической родной литературе,
Отсеянной суровыми годами,
Поверьте смело. Чтива пошлый студень
Лет нынешних вы оттолкнёте сами.*

Василий Миронов

Задача членов Ассоциации писателей Оренбуржья, альманаха «Гостиный Двор» — духовно верное воспитание нового поколения авторов, появление литературы, пронизанной искренностью и верой в справедливость. Это трудно. Но есть за кого бороться. А Василий Миронов ответил моим оппонентам (если найдутся) достаточно ясно.

Борис СЕЛЕЗНЁВ

ВСЯ СОЛЬ

Однажды Валентин Николаев, — светлая память ему, много лет бессменный руководитель секции прозы «Воложка» Нижегородской писательской организации, — рассказал мне любопытный и поучительный эпизод из своей жизни. Случилось всё это в Москве, в редакции одного толстого журнала. Естественно, ещё в добрые старые, «застойные» времена. Там у него готовилась к публикации повесть, и он приезжал в редакцию, чтобы в последний раз согласовать редакторскую правку. По завершении этой удачной встречи он вышел в коридор, достал вожделенную пачку «Примы»... и тут открылась дверь и выбежал редактор с толстой рукописью в руках. Николаев сразу заметил: в рукописи, что называется, живого места нет. Вся она была исчёркана чьей-то безжалостной рукой. При энергичном закрытии двери две-три страницы выпали и спланировали к ногам Валентина Арсеньевича. Он тут же наклонился, подобрал их и, протягивая владельцу испещрённые правкой листочки, сочувственно спросил: «Что, совсем плохо дело?» На что получил совсем неожиданный ответ: «Отличная вещь!» И силуэт редактора обозначился уже в конце коридора. Николаев был до такой степени заинтригован этим обстоятельством, что не ушёл из редакции, пока не узнал, чья это была рукопись и как называлась та, по словам редактора, отличная вещь. Это оказалась знаменитая

«Царь-рыба» Виктора Астафьева! То был второй нокаут, но после этого случая Николаев стал ещё строже относиться как к своим, так и к ученическим текстам. И, как видим, не зря, поскольку из «Николаевской школы», как из «Шинели» Гоголя, вышла целая плеяда молодых талантливых нижегородских прозаиков. Не буду называть их имена, так как задачи и цели у этой заметки другие. На мой взгляд, этот эпизод из редакционной жизни — весьма поучительная иллюстрация кипящей литературной деятельности того времени. Иллюстрация же сегодняшней «литературной деятельности» — чудовищный поток графомании, сквозь который редкими искрами пробиваются молодые одарённые авторы. Но это ещё надо иметь силу, чтобы пробить сей мутный поток! Что же делать со слабенькими поэтами и прозаиками, в которых тоже есть искра Божия? Сейчас все семинары платные, не подступишься. Слава Богу, пока ещё существуют издания, где будут с ними бесплатно заниматься. Есть ЛИТО и секции при СП. Есть у нас Диана Кан, которая вывела не один десяток молодых талантливых стихотворцев на страницы толстых журналов... Но это ведь, как она сама пишет, «лоскутный» и «точечный» подход — это не системно. Да что и говорить, если большинство издательств работают сейчас совсем без корректоров. Куда уж нам до «голосовой» (двойной) корректуры советского времени! Тут простая «причинно-следственная связь». Следствие — совершенно бедственное состояние как всего литпроцесса в целом, так и института редактуры в частности. Следствие налицо. Попробуем (в тысячный раз) выявить причины?.. Причин много, но одна из главнейших, на мой взгляд, затаилась в нашей нравственности и культуре. Не скажу — в литературе, поскольку тут сложно сделать подлог, выдать чёрное за белое. Были, конечно же, попытки: «Иван Чонкин», например. Даже имя автора забыл. Но где сейчас этот Чонкин? Налицо подлог, время показало. Другое дело — кино. Большой удар нанёс ещё советский кинематограф по нравственности, особенно молодых людей. И мы были тогда ещё молодые. Но до сих пор крутят под Новый год эту милую «баню» («...С лёгким паром!»), после первого показа которой все молоденькие училки русского языка и литературы дружно закурили. А что такого? А то, что закурить — легко... А вот попробуйте бросить!.. По принципу: разрушить — просто, построить — сложно. Дело многих лет. С нравственностью аналогично. А в этом фильме как раз и высмеивалась нравственность в лице Ипполита. И возводилась в норму (!) дурная романтика. Что будет хорошего у Жени

и Нади после того, как они, в общем-то, подленько поступили со своими близкими людьми?.. А как мы все их полюбили... Вот что может сделать великолепная актёрская игра! Другой мой любимый фильм «Курьер» Карена Шахназарова — это уже период так называемой «перестройки». Здесь вообще открытым текстом под видом шутки главный герой («пошутить хотел») проводит пошленькую идейку обогащения за счёт оболъщения девушки, дочери состоятельного человека. И профессор Кузнецов («сильный человек») явно проигрывает шутнику со своими скучными советскими догмами. И как же это было, право, забавно и смешно!.. И здесь отличная игра актёров делает своё дело. И мы им верим. А если верим, будем и подражать... А юмор-то убийственный! Создатели фильма «Брат», видимо, делали ставку на образ нового русского Робин Гуда. Не вышло. Герой, по сути, после ряда убийств становится таким же бандитом, как те, которых он убивал. И никакой тут русской идеи нет, а всё крутится вокруг денег: «Возьми, тут много. Поживёшь», — говорит главный герой Данила немцу. Вот и вся соль.

Для чего это я всё пишу, ведь фильмы-то все как бы любимые. Почему «как бы»? Да сомневаться начал. Вижу везде подлог, инсинуацию... Вот с «Демоном» Лермонтова вроде бы разобрались. С «Мастером и Маргаритой» Булгакова — тоже. Нельзя заведомо безобразное изображать красиво. Вспоминаю давние слова одной моей читательницы: «В ваших стихах мне даже проститутки нравятся». Тогда я был польщён. А сейчас задумываюсь... И всё кажется мне, что мечты о возвращении государственного статуса нашим писательским союзам просто наивны. Потому что властям от этого выгоды нет, только заботы и хлопоты. Да просто не любят они писателей, а деньги любят. Вот поэтому на чиновников здесь рассчитывать не приходится, а своими народными силами что-то попытаться сделать. Но уже и результаты, конечно, есть. К примеру, в советские времена в Нижнем Новгороде раз в год издавался лишь один литературно-художественный альманах и региональный журнал «Волга» в Саратове. Сейчас у нас, в Нижнем Новгороде, издаются два альманаха и три литературных журнала. Есть ведь прогресс? Только редактуру с корректурой чуток подтянуть осталось...